стве Андрея Боголюбского уже налицо попытка дать полное „житие“ князя, начиная с детства: „Сый благоверный и христолюбивый князь Аньдрей от млады верьсты Христа возлюбив и пречистую его матерь...“), обширные „плачи“, риторическую „похвалу“ герою, иногда даже молитву к нему. Есть все основания думать, что к княжескому „житию“ прямой путь шел именно от летописной повести. Что так оно и было, документально подтверждают даже некоторые материалы, непосредственно связанные с Киевской летописью. Как известно, повесть об убийстве Игоря Ольговича и повесть об убийстве Андрея Боголюбского именно в той редакции, в какой читаются они в составе этой летописи, в свое время были переработаны в „житие“ и даже попали в Пролог.[1]

4

Итак, в Киевской летописи, если рассматривать ее с точки зрения ее литературного строя, налицо очевидный разнобой: одни части повествования (погодная запись, рассказ) написаны в плане того еще очень ограниченного в своих возможностях летописного реализма, который не идет дальше „документального“ отражения исторической действительности, другие части повествования (повесть) — в полном плену у агиографического метода, диаметрально противоположного, антиреалистического по своей природе. Однако, сказать только это — значит не отметить самого характерного. Характерное же заключается в том, что разнобой этот нередко имеет место даже в пределах одного и того же повествовательного ряда; факты свидетельствуют, что отдельные формы летописного повествования, рассказ и повесть, далеко не всегда каждая строго следуют своему методу — в едином и цельном потоке летописного повествования принципы его часто нарушаются: в документальный рассказ врывается „агиография“ и, наоборот, в „агиографии“ обнаруживаются элементы документального отражения действительности, отдельные „реалии“, не задетые агиографической нивеллировкой.

Формулы и штампы агиографического стиля сплошь и рядом „украшают“ собою летописный рассказ: обычно они легко воспринимаются на его „документальном“ фоне.

Князь, пользующийся симпатией летописца, часто даже в самом деловито-сухом и протокольном рассказе, под пером летописца, приобретает черты, обычно свойственные у него только герою повести: князь этот отправляется в поход — „надеяся на бог“ (стр. 262), „възложи надежю на бог“ (стр. 271), „възревше на божию помочь, и на силу честнаго хреста, и на молитву святей богородици“ (стр. 369); — „благоверный“, „благочестивый“, „благоумный“, „боголюбивый“, он одерживает победу,

---

[1] Путь этот проложило уже древнейшее княжеское „житие“ Бориса и Глеба. Новейший исследователь „жития“ так намечает историю его создания: погодные записи — летописная повесть о Борисе и Глебе — анонимное „Сказание“ и, наконец, „Чтение“ Нестора. См.: С. Бугославський. стр. IX—XXXII.